

ДО СВИДАНИЯ, МХАТ!

ВЧЕРА последний раз аплодировала Алма-Ата своим дорогим гостям — замечательным мастерам Московского Художественного академического театра СССР имени М. Горького.

Двадцать два дня продолжались в столице Казахстана гастроли лучшего театра страны. Эти дни стали крупнейшим событием в культурной жизни нашей республики, праздником братства наших народов.

Десятки спектаклей на алма-атинских сценах, де-

сятки тысяч зрителей в залах, многочисленные встречи замечательных мастеров МХАТа с творческой интеллигенцией Казахстана, с рабочими заводов Алма-Аты, с тружениками полей Семиречья — таков итог этих праздничных дней. Но главное, что принесли эти дни, — это огромная радость встречи с великолепным реалистическим искусством, обогащающим и облагораживающим душу.

С чувством глубокой благодарности и горячею любовью прощается Казахстан со своими чудесными гостями.

Счастливого полета тебе, Чайка!

До свидания, до новых встреч, наш МХАТ!

□ СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ».

ЕДИНСТВО ХУДОЖНИКА И НАРОДА

ДУМАЕТСЯ, наш гость — Московский Художественный театр СССР имени М. Горького не унесет с собой сомнений в искренности восхищения, которым прониклись алма-атинцы к искусству кристальной правды и вдохновенного мастерства, к искусству наследников и продолжателей славных традиций К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Гастроли МХАТа — крупнейшее и незабываемое эстетическое событие в жизни столицы Казахстана.

Лично я знаком с театром, на занавесе которого парит белая Чайка — символ высоких и светлых устремлений, более тридцати лет. Тем не менее ни одна новая встреча с ним в Алма-Ате не прошла для меня бесследно. Каждый раз давно знакомое представляло передо мной новым, каждый раз я чувствовал душу и разум обогащенными. Ибо творения, подобные бессмертным произведениям Чехова и Горького, чьи идеалы исповедует Художественный театр, можно без конца читать и перечитывать заново, каждый раз открывая целые области неведомого прекрасного.

Добрая молва подобна девятому валу. Подъем на него захватывает дух, чем-то радостным. Но тут есть и элемент риска, элемент опасности. А вдруг тебя ждет резкий спад с трепетного волнующего интереса к разочарованию, недоумению досаде на то, что долгожданного «чула» не произошло!

Многие алма-атинцы бывали в Москве. И едва ли смыслет человека, не стремившегося во время пребывания в столице побывать хотя бы в двух-трех московских театрах. Однако по разным причинам не всем удалось переступить заветный порог. Конечно, о новых работах МХАТа многие пишут. И кино не однажды представляло широчайшему кругу своих зрителей мастеров ихатовской сцены. Но одно дело видеть их на экране, узнавать о них по литературным источникам и отзывам знакомых, какими бы они восторженными ни были, и совсем другое — личное знакомство непосредственно через

свое сердце, через свое понимание прекрасного.

Подлинное искусство всегда дарит радость. И еще — оно обладает дивным секретом неожиданности.

Детально говорить о работах театра, о спектаклях, показанных на трех сценах нашего города, нет нужды. Они достаточно широко освещались. И все же мне хочется присвокупить свой голос к трюмному голосу своих земляков.

МХАТ — это вершина культуры мирового театрального искусства. Но для нас он дорог и по другим причинам: ему особо обязан молодой национальный казахский театр за вдохновляющую поддержку на заре становления. За пример, за мудрый совет, за воистину братское участие.

Можем ли мы забыть о той помощи, которую оказывал казахскому искусству театр Станиславского и Немировича-Данченко! И разным было бы огорчение учителей и учеников, если бы годы творческой дружбы не привели к той полезной отдаче, благодаря которой им могла достаться и с честью принять у себя наших русских братьев. Не приходится доказывать, что для восприятия эстетической сложности большого искусства необходимо обладать определенной подготовкой, высокой духовной культурой. Работы Художественного театра — глубокие философские полотна. Они оркестрованы сложными эмоциональными звуками, их тончайшими оттенками. Играть мастера. Но ничего из ряда выходящего вроде бы и не видно. Все происходит так, как оно происходит в подлинной жизни. Ансамблевость, — стала МХАТа. Однако, сколь бы объективно совершенным этот стиль ни был, он не имел бы пространства, плоти и крови, если бы не выражал сути реалистического искусства — идеи, мысли, не утверждал бы ее страстно и убежденно.

И меня не может не волновать знаменательнейший факт, что не только задала театрам — их всегда бывает не так уж много — задавала зрительские рады, а что буквально народное поклонничество совершалось во все дни праздника сложнейшего

при всей своей кажущейся простоте театрального искусства. Это событие очень ярко характеризует дух времени, огромный рост духовной культуры масс.

У подъездов театров стояли вереницы автобусов: тысячи труженников совхозов и колхозов Семиречья приезжали смотреть МХАТ. И смотрели, понимали, судили и душевно принимали, и восхищались мастерством, и разделяли жизнеутверждающие идеалы глубоко эмоционального искусства.

Сегодняшняя Алма-Ата — это признается всеми — город театральный. Театральный город... Столица народа, до Октября не знавшего понастоящему искусства сцены. Мы часто забываем о величайших переменах в нашей жизни, потому что они стали глубоко привычными для нас. И только какое-нибудь выходящее из ряда событие освещает привычное ярким светом.

Мы принимаем и утверждаем все, что благородно, все, что обогащает наши познания, наши представления о подлинной красоте, в какую бы форму она ни была облечена театром. В этом смысле «Три сестры» и ихатовское прочтение мне кажутся не менее современными, чем, к примеру, «Милый лжец» Джерома Килти. Я, конечно, не собираюсь сравнивать эти произведения — они слишком разнаны. Но в то, и другое одинаково принадлежит нашему времени, как, очевидно, будут принадлежать после нас. Они равно, каждое в своей сфере и каждое своими неповторимыми языком, ведут априорную повесть, тема которой — человек, его место под небом, его предназначение, краткость ответственного ему для жизни времени и его бессмертия.

Чеховская лирика «Трех сестер» поднимает социологические пласты. Драматизм диалог «живых писем» Патрика Кемпбел — женщины блестящего ума, артистки с мировым именем, и великого английского драматурга Бернарда Шоу охватывает такие пласты, что, обогрелая их, видишь, как рождалась одна эпоха, уходит, ускользает из-под ног целый век,

а на его руинах возстает грозное, трагическое время. А за всем этим «наваждением черной пустоты» чувствуется все она же — гордая, могучая, озаренная светом веры в жизнь, всепоглощающая человеческая мысль.

Или «Юлиан смеется» Кронина — социальная, остросюжетная, психологическая драма, далекая как будто от нас, ибо мы живем иначе, чем живут ее герои. Но зритель все понимал, и его симпатии и антипатии были очевидны. Он проникнул в психологизм, понимал характеры и точно оценивал, откуда дует леденящий душу ветер.

Наряду с этим я был свидетелем того, как принималась зрительным залом комедия Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» — тоже вроде бы и не современная, старая, «архаичная» пьеса. Пьеса толстовского юмора «изпод суровых бровей». Но как живо и верно угадывалась зрительными идеями постановки, как она переносилась в сферу вполне нынешних обстоятельств! Только зритель асторожной и капитальной грамотности и культуры по плечу такое. И вновь задавал себе волнующий вопрос: как же сила подняла народ на такую интеллектуальную высоту! И находил только один ответ: он поднимался сам, поднимался потому, что в нашей советской действительности есть все условия для астороногого духовного развития человека.

Многочисленные встречи за «круглым столом» друзей, проводившихся мастерами ихатовской сцены с интеллигентнейшей столицей Казахстана, с рабочими алма-атинских заводов, тружениками колхозных и совхозных полей Семиречья, взаимная понятность языка, на котором велись творческие беседы, — все это знаменательные явления. Только у нас возможно такое, когда художник и его народная аудитория представляют неразрывную совокупность целого, когда их вдохновение, труд, помыслы направлены к одной и той же благородной цели — построению коммунистического общества.

Вспомогает ИСМАИЛОВ, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР.